

Род СЕРЛИНГ

МОЖНО ДОЙТИ ПЕШКОМ

*Фантастический
рассказ*

Вали его Мартин Слоун, и было ему от роду тридцать шесть лет. Он смотрел на свое отражение в зеркале шкафа, снова испытывая извечное недоумение, что вот этот высокий симпатичный человек, глядящий из зеркала, и есть он сам, и вслед за этой мыслью тотчас явилась другая — ведь его образ в стекле к нему самому не имеет ровно никакого отношения. Хотя, спору нет, из зеркала смотрел он, Мартин Слоун, высокий, ростом в шесть футов и два дюйма, с худошавым загорелым лицом, с прямым носом и квадратной челюстью; лишь несколько ниточек седины протянуто на висках, глаза поставлены не слишком широко и не слишком близко — словом, хорошее лицо. Он перевел взгляд ниже, продолжая читать в стекле инвентарный список личности. Костюм от братьев Брукс, сидящий на нем с небрежным совершенством, рубашка от Хэтэуэя и шелковый галстук, тонкие золотые часы — и все это так подобрано, во всем чувствуется такой вкус.

Он продолжал рассматривать себя и все удивлялся, как все-таки, оказывается, внешний лоск может скрыть своим камуфляжем истинную сущность человека. Ибо то, что он наблюдал сейчас в зеркале, было именно камуфляжем. Черт возьми, ну да, он, Мартин Слоун, крупная шишка в рекламном агентстве — у него сказочная холостяцкая квартира на Парк-авеню с окнами на Шестьдесят третью улицу, он водит красный «мерседес-бенц», у него живой ум, ум чрезвычайно творческого склада, — словом, этакий, знаете, пробивной молодой человек с перспективой. Он может читать меню по-французски, быть западника с Джеки Глизоном, и ему известно ощущение той непередаваемой теплоты от сознания значительности своей личности, которое испытываешь, если метрдотель у Сарди, или в «Колонии», или в заведении Дэнни назовет тебя по имени и улыбнется тихой, уважительной, особенной улыбкой, когда тыходишь в зал.

Но оборотной стороной всего этого, проклятием жизни Мартина Слоуна была начинающаяся язва, которая и в эту минуту начала исподволь, потихоньку терзать своими острыми когтями его внутренности. Паника и так охватывала его по десятку раз на день — конвульсивное, захватывающее дух, леденящее ощущение сомнения и нерешительности; чувство, что ты не сразу находишь нужный ответ, что ты ошибаешься; усилие, которое нужно сделать, чтобы голос звучал твердо, а решения и выводы — непременно, тогда как глубоко внутри, где-то в самом кишечнике, и с каждым днем все ясней и ясней он ощущал, как

блекнут все его ловкие выдумки, когда он отдает их на всеобщий суд, когда говорит с президентом агентства, с клиентами или со своими коллегами.

И эта язва! Эта проклятая язва. Он почувствовал, как она снова запускает в него свои зубы, и весь напрягся, как человек, ступающий под холодный душ. Она насквозь прожигала желудок. Когда боль отпустила, он закурил сигарету и почувствовал, что спина у него взмокла: горячая июньская испарина превратила рубашку от Хэтэуэя в липкую, щекочущую тряпку, и даже ладони стали такими же мокрыми, как и все тело.

Мартин Слоун подошел к окну взглянуть на Нью-Йорк. На Парк-авеню уже зажгли фонари, и ему вспомнились фонари его родного городка. В последнее время он часто думал о том месте, где родился и провел детство. Вот уже несколько месяцев, возвращаясь с работы домой, он садился в своей затянутой сумерками гостиной и в задумчивом одиночестве пил виски. Он вспоминал время, когда был еще мальчишкой, и место, где все это начиналось, — всю хронологию тридцатишестилетнего мужчины, который теперь умел держать жизнь мертвой хваткой, но которому по крайней мере три раза в неделю хотелось заплакать.

Слоун рассеянно смотрел вниз, на огни Парк-авеню, и думал о себе, как о мальчишке, и о главной улице своего городка, и об аптеке, которую держал мистер Уилсон. Нечаянные, несвязные воспоминания, но они были частью той сладкой тоски, которая делала столь невыносимой и эту комнату, и виски, и отражение в зеркале. Снова ощутил он настойчивый натиск подступающих слез и снова подавил его, запрятав поглубже, вместе с болью язвы. В голову ему пришла мысль. Сесть в машину — и в путь. Вон из Нью-Йорка. Подальше от Мэдисон-авеню. Подальше от вздорного, бессмысленного жаргона босса, вечно не к месту употребляющего метафоры; подальше от налогов, и процентных отчислений, и косметических счетов, и приходных статей в три миллиона долларов, и нездоровой, уродливой маски этакой доброй компанейщины, которая прикрывает отношения глубоко чужих друг другу людей.

Подсознание шепнуло ему, что уже куда позднее, чем он думал. Он вышел из квартиры, сел в машину и вывел ее на Гранд Сентрал Паркуэй. Вцепившись в руль своего красного «мерседеса», Слоун вдруг спросил себя — куда же это, черт побери, он едет, и — странное дело — то, что он не смог найти ответа, не повергло его в растерянность. Ему хотелось подумать, только и всего. Ему хотелось вспоминать. И когда

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО

он свернул на нью-йоркскую Сквозную и направился к северу, у него не было уже никаких колебаний. Он просто гнал и гнал машину в ночь, и лишь в самом уголке мозга почему-то теплилась мысль об аптеке старика Уилсона.

Именно картина этой аптеки снова вернула все его сознание к воспоминаниям о прошлом. К воспоминаниям о городишке под названием Хоумвуд, штат Нью-Йорк, этом тихом, осененном кронами деревьев городке, где населения-то было всего три тысячи человек. Сидя за рулем, он припоминал время, которое составило только небольшую часть его жизни, но, боже мой, какую часть! Восхитительные дни детства. Тихие улочки летними вечерами. Радость парков и площадок для игр. Невозбранную свободу ребенка. Как прилив и отлив, воспоминания накатывались на мозг и откатывались, пробуждая страшный труднопреодолимый голод, который он воспринимал подсознательно, как тоску не только по самому месту, но и по тогдашнему времени. Ему хотелось снова стать мальчиком. Вот чего ему хотелось. Он хотел развернуться в жизни на сто восемьдесят градусов и двинуться назад. Он хотел пробежаться вдоль строя годов и найти тот единственный, когда ему было одиннадцать...

Мартин Слоун в костюме от Бруксов, сидящий за рулем красного спортивного автомобиля, направился в ночь и подалее от Нью-Йорка. Он настойчиво гнал вперед машину, словно имея перед собой определенную цель, хотя на самом деле и понятия не имел о пункте своего назначения. Это не была обычная поездка на уикенд. И это не было минутным порывом, когда человек отворачивается от общепринятого, ставшего нормой. Это был Исход. Это было бегство. Где-то там, в конце длинной бетонной ленты шестирядного шоссе, что пролегло через вздымающиеся волнами холмы северной части штата Нью-Йорк, Мартин Слоун надеялся найти убежище от помешательства.

Он остановился в мотеле неподалеку от Бингхэмптона, штат Нью-Йорк, проспал несколько часов и снова пустился в путь, и к девяти утра въехал на площадку заправочной станции, примостившейся у бетонной полосы шоссе штата. Скорость у него была приличной, когда он сбросил газ, и машина, останавливаясь, завизжала тормозами и подняла клубы пыли. Последние остатки напористости, которая поддерживала его в Нью-Йорке, последние остатки того нетерпения, что толкало его сквозь череду дней, еще жили в душе Мартина, и он настойчиво нажал на кнопку клаксона. Рабочий — симпатичный парнишка в штанах из грубого холста — поднял лицо от покрышки, ремонтом которой он занимался в нескольких метрах от Мартина, вытер руки тряпкой и так и остался стоять, прислушиваясь к гудку «мерседеса».

— Как насчет того, чтобы обслужить? — крикнул ему Мартин.

— А как насчет того, чтобы потише? — ответил парнишка.

Мартин закусил нижнюю губу и отвернулся, крепко сжав руки на руле, впившись взглядом в приборную доску.

— Простите, — мягко произнес он.

Парнишка направился к нему.

— Залейте, пожалуйста, бак, — попросил Мартин.

— Это можно.

— Я извинился, — сказал Мартин.

— Я слышал, — ответил парнишка. — Залить, верно, самого лучшего?

Мартин кивнул и отдал ему ключи. Парнишка обошел автомобиль сзади и отпер горловину бака.

— Как насчет того, чтобы сменить масло и вообще всю смазку? — спросил его Мартин.

— Можно, — сказал парнишка. — Но часик на это уйдет.

— У меня времени сколько хочешь, — сказал Мартин.

Он повернулся и посмотрел через шоссе на придорожный щит, надпись на котором гласила: «Хоумвуд, 1,5 мили».

— Это что — тут у вас Хоумвуд неподалеку? — спросил Мартин.

— Точно, — кивнул парнишка.

— Я там жил когда-то. Можно даже сказать, вырос. Не был там лет восемнадцать, а то и двадцать. — Он вышел из машины, полез в карман за сигаретой и обнаружил, что у него осталась только одна. Перед бензоколонкой стоял автомат для продажи сигарет. Мартин купил пачку и вернулся к машине, говоря на ходу: — Лет восемнадцать-двадцать. И вдруг прошлой ночью я просто... просто сел в машину и поехал. Дошел до точки, когда... в общем, когда мне уже обязательно нужно было выбраться из Нью-Йорка. Еще один совет директоров, еще один звонок, доклад, проблема, и я... — он засмеялся, но смех этот был усталый и какой-то пустой.

— Значит, вы из Нью-Йорка? — спросил его парнишка.

— Точно. Из Нью-Йорка.

— Здесь полным-полно проезжают из Нью-Йорка, — сказал парнишка. — Ведь у нас здесь как — хочешь ехать сто миль в час — валяй! А там, в городе, красный свет — стой, потом дадут зеленый, кто-то тебя с места обгонит — и все, на целый день настроение испорчено. Господи боже мой, да как вы вообще умудряетесь там жить!

Мартин отвернулся и занялся боковым зеркальцем машины.

— Просто терпим, — ответил он. — Миримся с этим, пока не наступит однажды в июне такая ночь... тогда-то мы неожиданно и срываемся с места. — Он снова посмотрел через дорогу на щит. — «Полторы мили», — задумчиво прочитал он. — Можно дойти пешком.

— Кому это пустяк, а кому и нет, — отозвался парнишка.

— Думаешь, если люди зашибают деньги в Нью-Йорке и разъезжают в красных спортивных автомобилях, так они уж и ходить разучились, а? — широко улыбнулся Мартин.

Парнишка пожал плечами.

— Я вернусь за машиной позднее, — улыбка не сходила с лица Мартина. — Полторы мили — можно дойти и пешком!

Он взял с сиденья пиджак, перебрал его через плечо и не торопясь пошел по дороге к Хоумвуду; городок лежал впер-

ди на расстоянии чуть больше мили, а по времени — двадцать лет спустя.

Мартин вошел в аптеку и недвижимо остановился возле двери в темной прохладе помещения. Все было в точности так, как ему запомнилось. Узкая комната с высоким потолком, в одном конце которой стоял сатуратор с газировкой, а в другом был устроен бар. Деревянная лестница, которая вела в крохотный кабинет на антресолях. Мартин вспомнил, что мистер Уилсон, владелец, именно там любил подремать в свободную минуту. Худощавый человечек невеликого роста, в очках с толстыми стеклами перетирал у прилавка с газировкой стаканы и улыбнулся Мартину.

— Что пожелаете? — спросил он.

Мартин смотрел на расклеенные по стенам плакаты, на старомодные висячие светильники, на лопасти двух большущих электрических вентиляторов, висевших под потолком. Он подошел к стойке и сел. Все пять стеклянных кувшинов с дешевыми конфетами были точь-в-точь такими, как он их помнил,

— Вы еще делаете ту чудную шоколадную содовую с мороженым? — спросил он у человека за стойкой. — С тремя шариками мороженого?

Улыбка продавца вроде бы стала несколько напряженной.

— Как вы сказали?

Мартин смущенно засмеялся.

— Я когда-то проводил в этой аптеке половину всего времени, — объяснил он. — Я здесь рос. И помню, что мы постоянно заказывали одно и то же — содовая, шоколадный сироп и три шарика мороженого. Помню еще, стоило это десять центов.

Человечек глядел на него вопросительно, и Мартин внимательно посмотрел ему в лицо.

— Знаете, какая штука, — сказал Мартин, — ваше лицо мне знакомо. Не встречал ли я вас раньше?

Продавец пожал плечами и улыбнулся.

— Самое обычное лицо...

— Давно было все, — сказал Мартин. — Восемнадцать, а то и двадцать лет назад. Вон когда я отсюда уехал, — и он рассмеялся пестрой чередой потаенных мыслей, которые быстрой стайкой пронесли у него в голове. — Хотел бы я, — продолжал он, — чтобы мне дали по доллару за каждый час, который я провел у этой вот стойки. От приготовительной школы до третьего года в средней. — Он повернулся на табурете, чтобы посмотреть в окно — на солнечную, яркую улицу. — И город выглядит так же, как тогда. — Он снова обратился к человечку: — Вы знаете, это в самом деле поразительно. Через двадцать лет выглядеть до такой степени тем же самым...

Человечек в очках тем временем приготовил и подвинул ему мороженое.

— Десять центов.

Мартин сунул было руку в карман, но затем внезапно замер.

— Десять центов? — недоверчиво переспросил он и поднял огромный, до краев наполненный темной жидкостью бокал. — Три шарика?

Продавец засмеялся.

— Так уж мы их делаем, — сказал он.

У Мартина снова вырвался смех.

— Вы так проторгуетесь до последней рубашки. Кто же теперь продает мороженое с содовой за десять центов!

Воцарилось короткое молчание.

— Не продают? — спросил Мартина человечек. — Да откуда вы?

Мартин принялся ложкой топить шарик мороженого.

— Из Нью-Йорка, — сказал он между двумя глотками. — Слушайте-ка, мороженое у вас первый сорт!

Человечек оперся локтями о стойку.

— Как на вкус? — спросил он.

— Замечательно! — Мартин прикончил мороженое и выпил остатки содовой. — Слово я и не уезжал отсюда, — улыбнулся он. — Просто прекрасно. — Он повернулся и обвел взглядом комнату. — Смешно, — сказал он, — сколько воспоминаний связано у человека с каким-нибудь местом. Я всегда считал, что, если я когда-нибудь и вернусь сюда, здесь все переменится.

Аптека тоже смотрела на него. Смотрели стойки, и полки, и плакаты, и лампы. Смотрели электрические вентиляторы. Они смотрели на него, как старые друзья.

— Все так... — задумчиво сказал Мартин, — как если бы я уехал отсюда только вчера. — Он встал с табурета и стоял, вращая сиденье. — Как будто не был здесь всего один вечерок. — Он улыбнулся продавцу. — Я почти уверен, что и мистер Уилсон сидит там наверху в кабинетике и посапывает себе после обеда, как он всегда делал прямо до самой смерти.

Он не заметил, что, услышав это, продавец вздрогнул.

— Одна из картин детства, — продолжал Мартин. — Старина Уилсон, спящий наверху в своем большом удобном кресле. Старина Уилсон — да упокоится душа его в мире...

Он сунул руку в карман, вытащил бумажный доллар и положил его на стойку. Продавец в удивлении воззрился на бумажку.

— Да ведь это доллар!

Мартин улыбнулся и пальцем легонько постучал по бокалу.

— Эта штука... — он оглядел комнату, — и все это, все это дороже доллара.

Он вышел под горячее летнее солнце. Продавец облокотился о стойку, размышляя о посетителе, затем поднял крышку банки с шоколадным сиропом и заглянул внутрь. Снова опустив крышку на место, он обошел стойку, поднялся по лестнице и раз-другой негромко стукнул в дверь.

— Да? — отозвался сонный старческий голос.

Продавец приотворил дверь на несколько дюймов.

— Мистер Уилсон, — сказал он, обращаясь к седовласому старику, покоившемуся в тяжелом кожаном кресле; один глаз у старика был закрыт, — мистер Уилсон, нам нужно прикупить шоколадного сиропа.

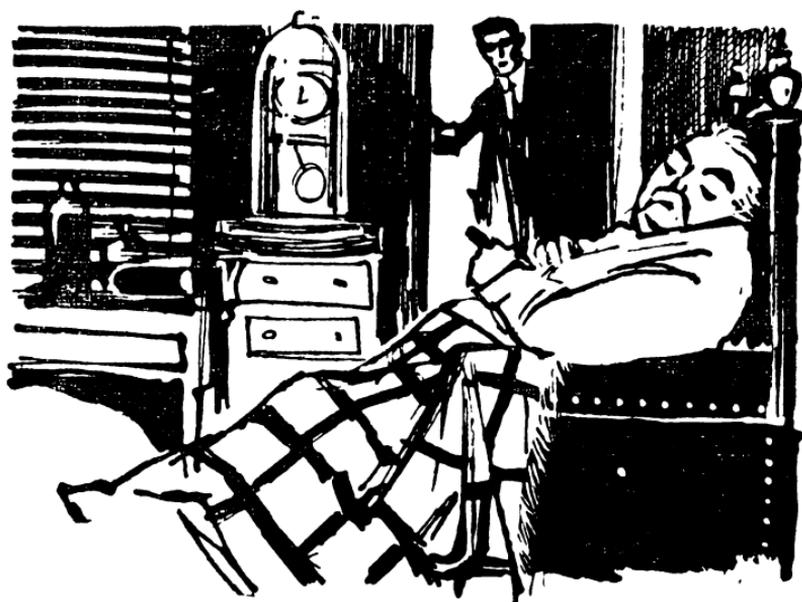
Старик мигнул, кивнул и снова смежил веки.

— Закажу сегодня же! — И тотчас уснул.

Продавец вернулся к стойке. Он взял бокал Мартина Слоуна и принялся его мыть. Смешной какой парень, подумалось ему. Проторгуетесь, говорит, до последней рубашки, если станете давать за десять центов три шарика... Все время, пока он вытирал бокал, продавец ухмылялся. Никто, говорит, больше не продает по три шарика за десять центов... Он пожал плечами и отставил бокал в сторону. Кого только не встретишь. Кого угодно, уж это точно. Но этот парень, этот парень какой-то странный. У этого на лице написано что-то такое... Как бы это сказать... Он выглядел таким... таким счастливым. Сидел себе в темной захудалой аптеке, а вид у него был счастливый...

В аптеку вошла какая-то женщина с рецептом, и продавец в этот день уже больше не вспоминал про Мартина Слоуна.

Мартин шагал по Дубовой улице — по улице, на которой прошло его детство. Она простерлась перед ним, окаймленная рослыми кленами, уже полностью развернувшими свои листья. От деревьев в спящей белизне солнечного света падали четкие черные тени. Большие двухэтажные дома викторианской архитектуры, расположенные позади просторных зеленых лужаек, все были старыми друзьями Мартина.

Медленно шагая мимо них по тротуару, он вслух произносил имена владельцев. Ванберен, Уилкоккс, Эбернэти. Он перевел взгляд на противоположную сторону улицы. А там дома доктора Брэдбери, Малруни, Грея. Он остановился и прислонился к дереву. Улица была в точности такой, какой он ее помнил. Сладкая боль ностальгии ужалила его в самое сердце. Ему припомнилось, как на этой самой улице он играл с другими ребятами. Как разносил газеты. Как падал, катаясь на роликовых коньках и на велосипеде. Припомнил и людей. Их лица и имена, которые сейчас хлынули в мозг. Его дом стоял на углу, но по какой-то причине Мартину захотелось подойти к нему в самую последнюю очередь. Он видел его впереди, за деревьями — большой, белый, с полукруглой верандой вокруг Купола. Железный флюгер впереди. Господи, чего только не помнит человек! Даже те вещи, которые он давно задвинул в самый дальний сусек памяти и забыл о них. Но затем человек поднимает крышку — и вот они, снова перед ним.

— Привет! — произнес ребячий голос.

Мартин Слоун взглянул вниз и увидел четырехлетнего карапуза с мордахой, измазанной сиропом. Мальчишка играл в шарики.

— Привет, — ответил Мартин и присел рядом с ним на край тротуара. — Как, получается? — он показал на мальчишкины шарики.

— В шарики играть? — спросил мальчуган. — Я хорошо умею.

Мартин взял один из шариков и прищурился сквозь него.

— Я когда-то тоже играл в шарики. Мы им каждому давали свои имена. Например, из стали — мы их доставали из старых подшипников — те мы называли стальками. А через которые можно было смотреть, мы называли ясенькине. А как сейчас — тоже даете им названия?

— Ага, — сказал мальчуган.

Мартин показал рукой через улицу на телефонный столб, изрезанный и истыканный тысячами складных ножей.

— Здесь мы играли в пряталки, — сказал он мальчугану и громко засмеялся, потому что воспоминание это согрело его и пришлось по сердцу. — Вот прямо на этой улице и играли, летом, что ни вечер. А я жил вон в том угловом доме. — Он показал рукой. — В том большом, в белом.

— В доме Слоуна? — спросил мальчуган.

Глаза у Мартина расширились.

— Верно. Вы все его еще так зовете?

— Как?

— Дом Слоуна. Это я Слоун. Меня зовут Мартин Слоун. А тебя как?

Он протянул ладонь для рукопожатия, но мальчишка подался назад, нахмурившись.

— Вы не Мартин Слоун, — укоризненно сказал он. — Я знаю Мартина Слоуна, а вы и не он совсем.

Мартин засмеялся.

— Не он, говоришь? Ну-ка, посмотрим тогда, что у меня написано в водительских правах.

Он сунул руку в нагрудный карман за бумажником. Когда он поднял взгляд от удостоверения, мальчуган уже улепетывал по улице, а потом свернул с нее на лужайку и помчался к дому напротив дома Слоуна. Мартин медленно встал и двинулся дальше. Да это же в первый раз, бог знает за какое время, подумалось Мартину, что я могу вот так неспешно пройтись. Дома и лужайки уплывали назад мимо него, а он вбирал их в себя. Он хотел, чтобы это тянулось как можно дольше. Ему хотелось познать это все. Где-то подальше — он слышал — звучал детский смех и тилиньканье колокольчика на фургоне мороженщика. Все подходило одно к одному — и то, что открывалось глазу, и звуки, и общее настроение. Он ощутил, как в горле поднялся и остановился какой-то комок.

Слоун не обратил внимания, сколь долго он шел, но в конце концов увидел, что находится в парке. Здесь тоже все было по-прежнему — как эта аптека, как эти дома, как эти звуки. На том же месте стоял павильон с большой круглой эстрадой для оркестра. Все так же крутилась облепленная ребятишками карусель, и металлическая диссонирующая музыка шарманки по-прежнему сопровождала ее круговой бег. Были и те же самые деревянные кони, и те же латунные кольца, и те же киоски с мороженым, и те же продавцы сахарной ваты. И всегда дети. Короткие штанишки и микки-маусовые рубашки. Леденцы и стаканчики с мороженым, и смех, и радостный визг. Язык детства. Музыка — симфония лета. Звуки водоворотом кружились вокруг него. Шарманка, смех, ребятишки. Снова он почувствовал, как что-то сдавило горло. Снова горько-сладкое. Он оставил все это так далеко позади, и вот вдруг смог обрести все опять.

Мимо него прошла хорошенькая молодая женщина, толкая перед собой коляску с ребенком. Что-то в лице Мартина Слоуна, который разглядывал карусель, привлекло, должно быть, ее внимание, потому что она остановилась. Никогда раньше она

не видела такого выражения. Может быть, поэтому она улыбнулась ему, и он тоже ответил ей улыбкой.

— Чудесное место, не правда ли? — сказал он.

— Парк? Да уж конечно!

Мартин кивнул по направлению карусели.

— Тоже часть лета, правда? Эта карусельная музыка. Шарманка.

Хорошенькая женщина рассмеялась.

— И сахарная вата, и мороженое, и оркестр на эстраде...

На лице Мартина уже не было улыбки. Ее сменило выражение сосредоточенности и внутренней муки.

— Ничто с этим не может сравниться никогда, — мягко сказал он. — Ничего не может быть лучше, чем когда стоит лето, а ты еще совсем маленький.

Женщина пристально смотрела на него. Да что же все-таки с этим мужчиной?

— Вы здешний? — спросила она.

— Был когда-то. Очень давно, — ответил Мартин. — Я жил в двух кварталах отсюда. Помню вот и эту эстраду. Господи, еще бы мне не помнить! Бывало, убежишь вечером потихоньку из дому, ляжешь вон там в траве, смотришь на звезды и слушаешь музыку. — Голос его стал звучать взволнованно. — А вон на том поле я играл в бейсбол. Стоял на третьей линии. И все-то детство у меня связано с этой вот каруселью. — Он протянул руку по направлению к эстраде. — Вон на том столбе однажды летом я вырезал свое имя. Мне было одиннадцать, и я вырезал свое имя прямо на... — Он резко оборвал себя и уставился во все глаза.

На перилах эстрадного павильона сидел мальчик и складным ножом вырезал что-то на столбе. Мартин Слоун медленно направился к нему. Он ощутил вдруг чувство, которого до сих пор никогда не испытывал. Его бросало то в жар, то в холод и познабливало от возбуждения; это было потрясение, изумление, это была тайна, глубина которой казалась ему непостижимой. Снизу вверх он взглянул на мальчугана и увидел свое собственное лицо, каким оно было двадцать пять лет тому назад. Он смотрел на себя самого. Он стоял, недоверчиво качая головой, шурясь на солнце, и затем увидел, что именно вырезал на столбе этот мальчишка. Детскими, неровными, печатными буквами. «МАРТИН СЛОУН», — гласила надпись. Мартин перевел дух и протянул руку к мальчишке, который только сейчас заметил, что за ним наблюдают.

— Мартин Слоун! Ты Мартин Слоун...

Мальчишка соскользнул с перил. Вид у него был испуганный.

— Да, сэр, но я ничего не хотел плохого, честно. Все ребята вырезают здесь свои имена. Честно. Я же не первый...

Мартин подвинулся к мальчику еще на шаг.

— Ты Мартин Слоун. Ну, конечно, ты — Мартин Слоун, вот кто ты... Вот так я и выглядел...

Он не замечал, что его голос внезапно стал громким, и, уж конечно, никак не мог видеть, как напряжено его лицо. Мальчишка подался назад, а потом посыпался вниз по ступенькам.

— Мартин! — крикнул ему вдогонку Слоун. — Мартин, прошу тебя... вернись! Пожалуйста, Мартин!

Он побежал было за ним, но мальчик уже затерялся в многоцветной толпе коротеньких штанишек, микки-маусовых рубашек и бумажных платьев матерей.

— Прошу тебя, Мартин! — снова закричал Слоун, пытаясь разглядеть мальчика. — Пожалуйста... не надо бояться. Я не сделаю тебе ничего дурного. Я просто хотел... Я просто хотел порасспросить тебя кое о чем...

Я только хотел сказать тебе, — с нежностью продолжал Мартин, обращаясь уже больше к себе, — я только хотел сказать тебе, что потом случится...

Он повернулся и увидел давешнюю хорошенькую женщину. Она стояла рядом. Он закрыл глаза и провел рукой по лицу — ничего не понимающий, сбитый с толку.

— Не знаю, — слабо произнес он, — право, не знаю. — Он открыл глаза и уронил руку от лица. — Если это сон, я, надеюсь, проснусь...

Он снова стал слышать смех, музыку шарманки, ребячьего голоса.

— Я не хочу, чтобы это был сон, — сказал он. — О боже, я не хочу, чтобы это был сон!

Когда он перевел взгляд на молодую женщину, в ее глазах стояли слезы.

— Я не хочу, чтобы время проходило, вы меня понимаете? Я хочу, чтобы всегда было как сейчас...

Молодая женщина не понимала, что в этом человеке заставляло ее испытывать к нему такую жалость. Ей хотелось успокоить его, но она не умела. Она только молча смотрела, как он повернулся и вышел из парка, и весь остаток дня она думала о нем, странном человеке с напряженным взглядом, который стоял в самом центре их парка, влюбленный в него.

Теперь Мартин знал, куда ему следует пойти. Это было все, что он знал. Все, кроме сознания того, что с ним происходит

что-то странное. Что-то нереальное. Он не был испуган. Он только потерял внутренний покой. Он вернулся на Дубовую улицу и остановился перед своим домом. Снова почувствовал он, как воспоминания охватывают его. Он двинулся к дому по дорожке, поднялся по ступенькам и позволил. Его всего трясло, но он не мог бы сказать ничего. Послышались приближающиеся шаги, дверь отворилась, и через сетку от насекомых на него уставился какой-то мужчина.

— Да? — спросил он.

Мартин Слоун не отвечал. Он не мог говорить. Восемнадцать лет назад дождливым, холодным, насквозь продутым ветром, мартовским полднем состоялись похороны его отца, он сам был на них, и вот теперь он смотрел на лицо своего отца там, по другую сторону сетки. Квадратная челюсть, глубоко сидящие голубые глаза, на редкость выразительные морщины, избородившие лицо и придающие ему одновременно чуть насмешливое и мудрое выражение. Лицо его отца. Лицо, которое он любил. И это именно оно смотрело на него через сетку.

— Да? — его отец перестал улыбаться, и в голосе у него прозвучала нотка нетерпения. — Кого вам нужно?

— Папа! Папа! — голос Мартина больше напоминал шепот. Изнутри, из комнат, он услышал голос матери. Уже четырнадцать лет, как ее не было на свете, но это был ее голос.

— Кто там, Роберт? — спросила женщина. Его мать.

— Мама? — голос Мартина дрогнул. — Это мама?

Глаза Роберта Слоуна сузились и губы сжались.

— Кто вы такой? — резко сказал он. — Что вам здесь нужно?

Миссис Слоун уже стояла подле локтя мужа, взглянула разок ему в лицо и перевела взгляд на Мартина.

— Почему вы оба здесь? — спросил Мартин. — Как вы можете быть здесь?

Недоумевающая и обеспокоенная миссис Слоун снова перевела взгляд с Мартина на мужа.

— Кто это? — спросила она. — Чего вы хотите, молодой человек?

Мартин, не веря своим глазам, покачал головой, чувствуя, как все в нем рвется навстречу этому мужчине и этой женщине, стоящим перед ним. Ему хотелось коснуться их, обнять их, прижаться к ним.

— Мамочка, — произнес он наконец. — Неужели ты не узнаешь меня? Это Мартин, мамочка. Это Мартин!

Глаза женщины расширились.

— Мартин? — она повернулась к мужу, шепча ему: — Это какой-то лунатик или еще кто...

Роберт Слоун начал закрывать дверь. Мартин схватился было за ручку рамы с сеткой. Она не поддавалась.

— Папа, прошу тебя, подожди минутку. Ты не должен меня бояться. Господи боже, да как вы можете бояться меня? — Он ткнул себя пальцем, как если бы представлял сейчас собой всю логику мира. — Я Мартин, — повторил он. — Неужели вы не понимаете? Я Мартин. Я здесь рос!..

Он видел холодность на обоих лицах, страх, неприятие. Он был в эту минуту как маленький мальчик, который потерялся, но затем вернулся домой и нашел дверь запертой.

— Я ваш сын, — молил он. — Неужели вы меня не узнаете? Мамочка! Отец! Пожалуйста... посмотрите на меня!

Дверь с треском захлопнулась перед самым его носом, и прошло несколько минут, прежде чем он смог сойти вниз по ступенькам крыльца. Там он остановился, чтобы еще раз окинуть взглядом дом. Вопросы осаждали его, вопросы, которые даже не имели какой-то четкой формы. Бессмысленные вопросы. Во имя господа, что же это здесь творится? Где он? Когда он? Деревья и дома валились на него, он чувствовал, что на него поднимается вся улица. О боже, ему совсем не хочется уходить отсюда! Он должен снова увидеть своих родителей. Он должен поговорить с ними!

Звук автомобильного гудка ударил ему в уши. В соседнем дворе он увидел мальчишку, показавшегося ему знакомым. Парень стоял возле открытого двухместного автомобиля с откидывающимся задним сиденьем.

— Привет! — прокричал ему мальчишка.

— Привет, — ответил Мартин. Он подошел к автомобилю.

— Ничего штучка, правда? — спросил мальчишка. — Первый такой в городе. Отец мне его только что купил.

— Что? — спросил Мартин.

— Новая машина, — улыбка не сходила с губ мальчишки. — Первый такой. Вот красавец, правда?

Мартин окинул взглядом автомобиль — от переднего бампера до стоп-фонарей.

— Откидное сиденье, — тихо сказал он.

Мальчишка вопросительно наклонил голову.

— Ну, ясно, откидное. Это же тип такой.

— Двадцать лет не видел откидных сидений.

Вышла пауза, и лицо мальчишки попыталось было снова вернуть себе энтузиазм предыдущей минуты.

— Да вы откуда взялись, мистер?

Мартин Слоун не ответил. Он смотрел на автомобиль. Первый такой в городе, сказал мальчишка. Первый. Новехонький. Автомобиль выпуска 1934 года был новехонький...

Уже вечерело, когда Мартин Слоун снова вернулся на Дубовую улицу и остановился перед своим домом, глядя на немислимо теплые его огни, горевшие в окнах. Цикады трещали так, словно где-то в темноте били пальцами в целый миллион бубнов. В воздухе стоял аромат гиацинтов. Тихое шелестение лиственных крон закрывало луну и странными тенями пятнало остывающие тротуары. Лето, лето было во всем, так хорошо помнящееся лето...

Мартин Слоун исходил множество тротуаров и о многом передумал. С яркой и четкой ясностью знал он теперь, что очутился на двадцать пять лет назад во времени. Каким-то необъяснимым образом ему удалось пробиться через непроходимое измерение. Ничто более не затрудняло его, не томили никакие предчувствия. Теперь у него были цель и решимость. Он хотел бросить вызов этому прошлому. Он прошел к ступеням на веранде, и нога его ткнулась во что-то мягкое. Это была бейсбольная перчатка. Он поднял ее, натянул на руку, пару раз ткнул кулаком в ловушку, как делал это много лет назад. Затем увидел, что посреди двора стоит велосипед. Он несколько раз тренькнул звонком на руле и вдруг почувствовал, как чья-то рука легла на его руку и погасила звук. Он поднял глаза и увидел рядом с собой Роберта Слоуна.

— Снова вернулись, значит? — произнес его отец.

— Я должен был вернуться, папа. Это мой дом. — Он поднял перчатку, которую держал в руке. — И эта тоже моя. Ты подарил ее мне, когда мне исполнилось одиннадцать.

Глаза его отца сузились.

— Ты подарил мне и бейсбольный мяч, — продолжал Мартин. — На нем еще есть автограф Лу Герига.

Долгую, заполненную размышлением минуту отец смотрел на него.

— Кто вы? — мягко спросил он. — Что вам здесь нужно? — Он чиркнул спичкой, раскурил свою трубку и затем вытянул руку с огоньком, вглядываясь в лицо Мартина в те короткие секунды, пока маленькое пламя еще теплилось.

— Я просто хочу отдохнуть, — сказал Мартин. — Просто на какое-то время мне нужно сойти с дистанции. Я ведь весь тут.

Неужели ты не понимаешь, папа? Я отсюда, я свой, это все мое...

Лицо Роберта Слоуна смягчилось. Человек он был добрый и чувствительный. И разве не было чего-то в этом незнакомце, что пробуждало в нем странные, неясные чувства? Что-то такое, что... похоже, было знакомым?

— Послушайте-ка, сынок, — сказал он. — Может, вы больны. Может, у вас навязчивая идея или еще что. Не хочется вас задевать, и не хочется, чтобы вы угодили в какую-нибудь беду. Но все же вы лучше выбирайтесь отсюда, а то беды не миновать.

За его спиной раздался скрип открываемой двери — это вышла миссис Слоун.

— С кем ты тут разговариваешь, Роб?.. — позвала было она. Увидев Мартина, она тотчас умолкла.

Он подбежал к веранде и метнулся вверх по ступенькам, чтобы схватить ее в объятия.

— Мамочка! — крикнул он ей. — Посмотри на меня! Всмотрись в мое лицо! Ведь ты-то узнаешь, узнаешь — правда?

Миссис Слоун выглядела испуганной и попятилась.

— Мамочка! Посмотри же на меня! Прошу тебя! Кто я? Скажи мне, кто я?

— Вы посторонний, — ответила миссис Слоун. — Я никогда раньше вас не встречала. Роберт, скажи ему, пусть уйдет!

Мартин снова схватил ее и повернул к себе лицом.

— У вас есть сын по имени Мартин, ведь так? Он ходит в Эмерсоновскую школу. Август он проводит на ферме у своей тетки неподалеку от Буффало, а года два назад каждое лето вы ездили на озеро Саратогу и снимали там домик. А когда-то у меня была сестра, но она умерла, когда ей был только год!..

Широко раскрыв глаза, миссис Слоун смотрела на него.

— Где сейчас Мартин? — спросила она мужа.

Руки Мартина снова крепко сжали ей плечи.

— Это я, Мартин! — прокричал он. — Я ваш сын! Вы должны мне верить. Я ваш сын Мартин. — Он отпустил ее и полез в карман пиджака за бумажником. Одну за другой он начал вытаскивать из него бумажки. — Видите? Видите? Вот все мои документы. Удостоверения личности. Прочитайте их. Вот — прочитайте, прочитайте!

Он настойчиво совал бумажник матери, но его мать в отчаянии и испуге вырвалась и наотмашь ударила его по лицу. Движение было инстинктивное, но она вложила в удар всю силу. Мартин застыл, бумажник выскользнул из его пальцев и упал

паземь, голова его конвульсивно двигалась из стороны в сторону, словно только что случилась непоправимая ошибка и он никак не мог поверить, что женщина, стоящая перед ним, не понимает этого. Слабое эхо шарманки донеслось откуда-то издалека. Мартин повернулся и прислушался. По ступенькам мимо отца он сошел на дорожку. Там он снова остановился, прислушиваясь. Затем бросился бежать по самой середине улицы на звуки музыки.

— Мартин! — кричал он, сломя голову мчась по направлению к парку. — Мартин! Мартин! Мартин! Мне нужно поговорить с тобой!

В парке горели разноцветные фонарики, и светильники на столбах, и разноцветные электрические надписи над эстрадой. Светящаяся дорожка, радиусом пролеглая от карусели, все вращалась, с каждым оборотом ложась на лицо Мартину, а он затравленно озирался, пытаясь разглядеть одиннадцатилетнего мальчишку в вечерней тьме, которая кишмя кишела этими сорванцами. Затем внезапно он его увидел. Мальчик катался на карусели.

Мартин подбежал к ней, схватился за стойку, когда она поравнялась с ним, и одним махом взметнул свое тело на движущуюся платформу. Он начал, спотыкаясь, пробираться через лабиринт висящих над полом коней под взглядами сотен маленьких лиц, двигающихся перед ним вверх и вниз.

— Мартин! — закричал он, столкнувшись с одной из лошадок. — Мартин, прошу тебя, я должен поговорить с тобой!

Мальчик услышал свое имя, оглянулся через плечо, увидел этого человека со спутанными волосами и лицом в испарине, который пробирался к нему. Он слез с коня, отбросил в сторону коробку с жареной кукурузой и кинулся бежать, ловко проскальзывая между то вздымающимися, то припадающими всадниками.

— Мартин! — бился ему вслед голос Слоуна.

Слоун настигал. Их разделяло теперь всего только десять или пятнадцать футов, но мальчик не сдавался, продолжал убежать.

Случилось это внезапно. Мартин уже приблизился к мальчику на расстояние вытянутой руки и протянул ее, чтобы схватить беглеца. Мальчик через плечо оглянулся на него и, не заметив, ступил мимо края платформы и головой вперед рухнул в кружащийся многоцветный вихрь. Ногой он зацепился за какую-то железяку, торчащую из-под платформы, и некоторое

время карусель тащила его за собой, кричащего в смертельном испуге. Он успел крикнуть только раз, потому что служитель в тот же миг схватил рубильник и рванул его на себя. Никто не заметил тогда и никто не мог вспомнить после, что с затихающим, нестройным аккордом преждевременно умолкнувшей шарманки слились два крика. Закричали двое. Одиннадцатилетний мальчик, теряющий и потерявший сознание, пережив перед этим секунды кошмара. И Мартин Слоун, который вдруг ощутил, как пронзительная боль агонией схватила его правую ногу. Он схватился за ногу, едва не упав. Теперь кричали уже все — матери и ребятишки, сбегаясь отовсюду к мальчику, лежащему вниз лицом в нескольких футах от карусели. Они собрались вокруг него. Служитель протолкался через кольцо обступивших и опустился на колени рядом с маленьким телом. Когда он осторожно поднял его на руки, над толпой прозвенел тонкий голосишко какой-то девочки:

— Посмотрите на его ногу! Ой, посмотрите!

Одиннадцатилетнего Мартина Слоуна унесли из парка. По его искалеченной правой ноге текла кровь. Мартин хотел было подойти к нему, но мальчика уже унесли. Воцарилась тишина, в которой только постепенно зародился шепот. Люди стали медленно расходиться по домам. Киоски закрылись. Погасли огни. В какую-то минуту Мартин остался совсем один. Он прислонился головой к одному из столбов ограждения карусели и закрыл глаза.

— Я только хотел сказать тебе, — прошептал он, — я только хотел сказать тебе, какое это чудесное время. Пусть ни одна секунда его не уплывет мимо тебя, пока... пока ты не насладишься ею. Больше не будет каруселей. Не будет сахарной ваты. И музыканты больше не будут играть с эстрады. Я только хотел сказать тебе, Мартин, что это изумительное время. Сейчас! Здесь!.. Вот и все. Вот все, что я хотел тебе сказать.

Он чувствовал, как его душу охватывает печаль.

— Да поможет тебе господь, Мартин, это все, что я хотел тебе сказать!

Он подошел к краю платформы и сел. Деревянные кони смотрели на него безжизненными глазами. Слепо оставились на него запертые киоски. Летняя ночь развесила вокруг него свои пологи, оставив его в одиночестве. Он не знал, сколько просидел вот так, как вдруг услышал шаги. Он поднял голову и увидел отца. Тот шел к нему через платформу карусели. Роберт Слоун смотрел на него сверху и держал в протянутой руке бумажник. Его, Мартина, бумажник.

— Я подумал, что вам захочется узнать, — сказал отец. — С мальчиком все будет в порядке. Может быть, станет чуть прихрамывать, говорит доктор, но все будет в порядке.

Мартин кивнул:

— Я благодарю бога за это.

— Вы уронили вот это возле дома, — сказал Роберт, передавая ему бумажник. — Я заглянул внутрь.

— И?..

— Он кое-что рассказал о вас, — честно признался Роберт. — Водительские права, визитные карточки, деньги. — Он помолчал. — Похоже, что вы в самом деле Мартин Слоун. Вам тридцать шесть лет. В Нью-Йорке у вас есть квартира...

Он еще помолчал, затем снова заговорил. На этот раз голос его звучал немного вопросительно:

— Тут написано, что на водительские права срок выходит в тысяча девятьсот шестидесятом. Это ведь через двадцать пять лет. И даты на бумажках... на деньгах... Эти годы тоже еще не наступили.

Мартин прямо взглянул отцу в лицо.

— Значит, теперь ты знаешь, да? — спросил он.

Роберт кивнул.

— Да. Знаю. Я знаю, кто вы, и знаю, что вы пришли сюда издалека. Издалека... и во времени тоже. Я не знаю, зачем или как. А вы?

Мартин покачал головой.

— Но зато вам известно кое-что другое, а, Мартин? То, что еще только должно случиться...

— Да, мне это известно.

— И вам известно и то, когда ваша мать и я... когда мы...

— Да, я это тоже знаю, — шепотом сказал Мартин.

Роберт вынул трубку изо рта и долгое время пристально смотрел на Мартина.

— Ну что ж, говорить этого не надо. Мне бы лучше этого не знать. Это ведь часть той тайны, с которой мы живем. И я думаю — пусть это так навсегда и останется тайной. — Он умолк на мгновение. — Мартин?

— Да, папа.

Роберт положил Мартину руку на плечо.

— Вы должны уйти отсюда. Вам здесь нет места. И ничего вашего уже нет. Вы понимаете?

— Я вижу, что это так, — тихо сказал Мартин, кивнув головой. — Но понять... нет, понять этого я не могу. Почему нет?

— Мне кажется, потому, что в жизни нам выпадает только одна возможность. Может так быть, что на каждого отпущено только одно лето. — Роберт улыбнулся. Теперь в его голосе звучало глубокое и сердечное сострадание. — Тот мальчик, тот, которого я знаю, тот, который здешний. Это его лето, Мартин. В точности как когда-то оно было вашим. — Он покачал головой. — Не заставляйте его делиться с вами.

Мартин поднялся и смотрел теперь в сторону, в темноту парка.

— Там... так плохо? Там, откуда вы пришли? — спросил Роберт.

— Я так считал, — ответил Мартин. — Я живу как в бешеной гонке, папа. Я слаб — и вот я выдумал, что я силен. Мне страшно до смерти — а я играю эдакого сильного человека. Но внезапно все это настигает меня. И я почувствовал такую усталость, папа. Я почувствовал такую адскую усталость, потому что гонка была такой долгой... И тогда... в один прекрасный день я понял, что я должен вернуться. Я должен был вернуться и прокатиться на карусели, и послушать джаз с эстрады, и полакомиться сахарной ватой... Я должен был остановиться и перевести дух, закрыть глаза, вдохнуть этот запах и слушать...

— Мне кажется, мы все этого хотим, — тихо заметил Роберт. — Но ведь, Мартин, когда вы вернетесь туда, вы, возможно, обнаружите, что и там, откуда вы, тоже есть и карусели, и играет джаз, и есть летние ночи. Может быть, вы просто не посмотрели где надо. Вы оглядываетесь, Мартин. Попробуйте заглянуть вперед.

Молчание. Мартин повернулся, чтобы посмотреть на отца. Его душила любовь, самая нежная нежность, какое-то звено, которое связывало его с этим человеком сильнее и глубже, чем зов крови.

— Может быть, папа, — сказал он, — может быть. Прощай, папа.

Роберт отошел на несколько футов, остановился, постоял так, спиной к Мартину, потом снова повернулся к нему.

— Прощай... сын, — сказал он.

Через мгновение он уже исчез. За спиной у Мартина тихо пришла в движение карусель. Огни были погашены, ни единого звука не раздавалось, только смутные силуэты коней перемещались по кругу. Мартин ступил на карусель, когда она двинулась в свой круговой путь, — безмолвный табун деревянных скакунов с нарисованными глазами, ночной быстроногий табун.

Карусель обошла полный круг, затем стала останавливаться. На ней никого не было. Мартин Слоун исчез.

Мартин Слоун вошел в аптеку. Это была та самая аптека, которую он помнил еще мальчишкой, но внутри она ничем не напоминала ту, кроме разве что общих очертаний да кроме лестницы, что вела к кабинету на антресолях. Теперь здесь было светло и весело от разноцветных полосок флюоресцентных трубок, оглушительно играл сверкающий огнями музыкальный автомат, замысловатый сатуратор с газировкой блистал хромированными частями. Было полным-полно старшеклассников, которые танцевали под эту громкую музыку или увлеченно листали журналы для подростков в уголке возле окна, выходящего на улицу. Аппарат для кондиционирования воздуха источал прохладу. Мартин пробирался сквозь сигаретный дым, сквозь орово рок-н-ролла, сквозь смеющиеся голоса подростков и их подружек, оглядываясь в поисках хотя бы чего-нибудь, что было бы ему знакомо. Молодой продавец газировки улыбнулся ему через стойку.

— Привет! — сказал он. — Что бы вы хотели?

Мартин уселся на кожаное сиденье хромированного табурета.

— Может быть, шоколадную содовую с мороженым, а? — сказал он парнишке за стойкой. — Мороженого три шарика.

— Три шарика, — повторил парнишка. — Сейчас я вам это мигом все сварганю. Будет первый класс! Тридцать пять центов. Ладно?

Мартин улыбнулся не без грусти.

— Тридцать пять, говоришь? — взгляд его снова обжег помещение. — А что старый мистер Уилсон? — спросил он. — Был когда-то здесь владельцем.

— А, он умер, — ответил парнишка. — Давным-давно. Лет пятнадцать назад, а может, и двадцать. Какое вам мороженое — шоколадное, ванильное?

Мартин не слушал его.

— Ванильное? — повторил парнишка.

— Я передумал, — сказал Мартин. — Я, пожалуй, не стану брать эту содовую. — Он стал подниматься с табурета и едва не упал, потому что его правая негнущаяся нога на момент оказалась в неловком положении. — Табуреты эти не для таких ног деланы, — заметил он с горестной улыбкой.

Парнишка за стойкой поддержал разговор:

— Уж точно. А вас это что — на войне?

— Что?

— Ногу. Вас на войне ранило?

— Нет, — задумчиво ответил Мартин. — По совести сказать, это я свалился с карусели, когда еще совсем клопом был. Потом неправильно срослось.

— Карусель! — щелкнул пальцами парнишка. — Слушайте, я же помню эту карусель. Ее сломали несколько лет назад. — Он улыбнулся доброй улыбкой. — Но уж было поздно, как я полагаю, а?

— Как это? — спросил Мартин.

— Я хочу сказать, вам-то уж было все равно. Запоздало.

Мартин медленно оглядел аптеку.

— Очень запоздало, — тихо сказал он. — Для меня очень запоздало.

Он снова вышел наружу, под горячее солнце. Жаркий летний день — 26 июня 1959 года по календарю. Он прошелся по главной улице и вышел из городка, направляясь к заправочной станции, где он так давно оставил свою машину, чтобы ей сменили смазку. Он медленно шагал по пыльной обочине шоссе, чуть приволакивая правую ногу.

На заправочной станции он расплатился, сел в автомобиль, развернул его и поехал назад, к Нью-Йорку. Лишь один раз он оглянулся через плечо на щит с надписью: «Хоумвуд, 1,5 мили». Надпись обманывала. Это-то он знал. Хоумвуд был дальше. Гораздо дальше.

Мужчина высокого роста в костюме от братьев Брукс, сидящий за рулем красного «мерседес-бенца», задумавшись, сжимал руль, направляясь на юг, к Нью-Йорку. Он не очень хорошо представлял себе, что ждет его в конце путешествия. Он знал только одно: кое-что он открыл для себя. Хоумвуд. Хоумвуд в штате Нью-Йорк. До него нельзя дойти пешком.

Перевел с английского Е. КУБИЧЕВ

